
Последние дни Эльлисара
Путь Истока
Анна Миолай

Путь Истока

Анна Миолай

Последние дни Эльлисара

«Автор»
2026

Миолай А.

Последние дни Эльлисара / А. Миолай — «Автор», 2026 — (Путь Истока)

Мир фэйри, благословенный Эльлисар, умирает — мёртвые земли поглощают его, магия становится слабее с каждым днём. Кто-то готов покориться судьбе, а кто-то пытается спасти и сам Эльлисар, и всех фэйри, своего ли, чужого ли Двора.Судьбы героев переплетаются с волей Истока — силы, что ведёт. Куда? К смерти или спасению? Это история о надежде, о поиске себя, своего пути и пути к спасению обреченного на гибель народа."Последние дни Эльлисара" - это приквел к основной истории. Он раскроет тайну появления фэйри в мире людей и расскажет, от чего они бежали, бросив свой мир на растерзание тварям, приходящим из ниоткуда.

© Миолай А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Двор Звезд 5
Глава 2. Варго’эл 14
Глава 3. Сэлэми 23
Глава 4. Кельпи 31
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Анна Миолай
Последние дни Эльлисара

Глава 1. Двор Звезд

Библиотека Ноктюрниса была под стать самой резиденции Двора Ночи — огромной, величественной, пронизанной магическими плетениями, сохраняющими книги и фолианты в первозданном виде. Мраморные колонны тянулись ввысь, сквозь прозрачный купол проникал дневной свет, рассеиваясь в листве растений, оплетавших арки, перила и книжные стеллажи, которые выстроились вдоль стен в несколько этажей.

Воздух был наполнен ароматом старых пергаментов, свежей зелени и едва уловимым запахом озона, как после дождя. Вьющиеся растения спускались с балконов, прорастали между полками. Высокие стрельчатые окна от пола до потолка пропускали мягкий приглушенный свет. Лучи скользили по бесконечным рядам книг, по винтовым лестницам, террасам и балконам.

По размерам самого помещения библиотека Двора Ночи могла соперничать с любым помпезным залом резиденции. Но в отличие от них, тишина здесь была мягкой. Даже голоса птиц, доносящиеся из сада, казались частью ее. А где-то в глубине журчала вода, питающая произрастающие прямо здесь растения.

Шеолан'эл прошел через главный вход — массивные двухстворчатые двери, и звук шагов разнесся по всей библиотеке. Он не старался оставаться незамеченным. Если бы это было необходимым, его присутствие здесь было бы не столь очевидным.

Фэйри Тени окинул помещение взглядом: стеллажи, книги, приставные и винтовые лестницы, переходы. Бродить здесь в поисках того, кто как раз предпочел бы остаться ненайденным, не очень-то хотелось, и Шеол решил испытать свою удачу.

— Линта'эл, ты здесь? — произнес он достаточно громко, чтобы тот, к кому он обращался, услышал его.

В библиотеке как будто стало еще тише. Шеол вздохнул с некоторой досадой. Играть в прятки ему совершенно не хотелось. Пользоваться для поисков магией — тоже. Было в этом что-то совсем уж по-детски глупое с одной стороны, а с другой он прекрасно знал, что если Линта'эл сейчас захочет, чтобы его не нашли, никто и не сможет этого сделать.

Шеолан'эл медленно поднялся по ступеням, слушая, как его шаги отзываются эхом. Несмотря на царившую здесь тишину, все же что-то подсказывало ему, что искать надо в библиотеке. Правда, задача казалась практически невыполнимой.

Среди лестниц, переходов, балконов, затененных шелестящей листвой древних фолиантов, громоздящихся на полках и стеллажах, книг, стоящих в строгом порядке и, напротив, беспорядочно лежащих на столах, подоконниках и стопками высившихся в нишах — как тут найти одного-единственного фэйри, который неплохо освоил и *вуаль* Двора Звезд, и *маскировку* Двора Мглы.

И все же Шеол не спеша шагал, периодически останавливаясь, вглядываясь в тени между стеллажами и не громко окликая:

— Линта'эл?

Где-то сверху раздался тихий шорох, и донесся негромкий голос:

— Я здесь.

Шеол удовлетворенно кивнул сам себе и направился к приставной лестнице, по которой можно было попасть в нишу под самым потолком, скрытую за тяжелыми резными балками, поддерживающими купол, через который в библиотеку проникал белый дневной свет.

Ниша под самым потолком напоминала крошечную комнату — тесную, низкую, всего в пять-шесть шагов в длину и столько же в ширину. В ней едва удавалось выпрямиться в полный рост: тяжелые балки проходили так низко, что почти касались макушки. Здесь хранили книги, испорченные, потрепанные временем, с едва различимым текстом на страницах, те, что уже было невозможно восстановить или переписать. Или не нужно.

Однако фэйри никогда не выбрасывали книги и не уничтожали их. Каждая была уникальна по-своему. Написанные впервые или даже переписанные с оригинала, они не имели аналогов. Переписчик всегда добавлял что-то свое: иллюстрации, комментарии, целые главы. Оригиналы же считались частью души того, кто их написал. Не то чтобы прямо всерьез, но избавиться от части сути даже того, кто давно умер и уже, вероятно, слившись с Истоком, вернулся и живет вновь, не поднималась рука.

Шеол застал Линта'эла сидящим прямо на полу. Рядом лежала раскрытая книга с пожелтевшими страницами. Одна рука юного фэйри удерживала ее раскрытой, а другая застыла в воздухе над каким-то сложным узором, словно он пытался поймать невидимую бабочку.

Фэйри Тени слегка напряг зрение, переключаясь с одной реальности на другую. В воздухе висело тончайшее магическое плетение, похожее на трехмерное кружево, сотканное из мерцающих золотых нитей. По этим нитям едва заметно струилась сила. Шеол нахмурился, пытаясь распознать знакомые узоры и структуры, но ничего подобного он прежде не видел. Магия казалась совершенно чужой.

— Что это? — не удержался он от вопроса, нарушая тишину убежища.

Линта'эл поморщился, словно его оторвали от чего-то очень важного. В его темно-синих глазах мелькнуло досадливое сожаление.

— Ах, это… — он вздохнул. — Кажется, я ошибся. Просто… красиво, но, наверное, бессмысленно.

Несмотря на свои слова, Линта'эл все же осторожно шевельнул пальцами, словно пытаясь вдохнуть жизнь в хрупкое плетение. Золотые нити на мгновение вспыхнули ярче, но тут же рассыпались дождем крошечных искр, бесследно исчезнув в затхлом воздухе ниши. Никакого действия не последовало.

— Видишь? — с легкой долей разочарования констатировал Линта'эл. — Ничего не вышло.

— А что должно было? — фэйри Тени вопросительно приподнял бровь.

Вопрос лишним не был. У этого юного фэйри был талант находить какие-то старые записи, схемы разных плетений и магических приемов, которые не всегда оказывались безопасны для него самого и окружающих. Однако остановить его было некому.

О его таланте к магии говорили. Шутка ли, в пятнадцать лет разобраться в таких сложных плетениях, которые не всем фэйри Великих Дворов, прожившим почти сотню лет, были под силу. Но была тут и другая сторона медали. Его уже ничему не могли научить те, кто призван был заниматься его образованием. Другие же все еще считали, что он слишком молод для более серьезной магии. А жажда знаний порой приводила к непрогнозируемым последствиям.

Линта’эл закрыл книгу, из которой, по всей видимости, взял схему плетения, пожал плечами и сказал:

— Все равно ведь ничего не вышло, так какая разница?

Шеолан’эл на мгновение заколебался, размышляя, стоит ли настаивать. Впрочем, внутреннее чувство подсказало ему, что он сам этого не желает. Возможно, более разумным поступком было бы все же попытаться выяснить, что привлекло внимание юного фэйри. Подобно врожденной способности Двора Тени распознавать ложь, им было присуще и острое чувство рациональности, порой заставляющее их в поисках истины, как казалось многим, переступать черту дозволенного.

Это же чувство заставляло его ощущать себя неуютно сейчас, словно он упускает что-то важное, что будет иметь последствия. Но было и еще кое-что.

Шеол опустился на пол, напротив Линта'эла. Так стало немного удобнее — его макушка не задевала нависающие балки. Огляделся и спросил:

— Давно ты здесь себе устроил убежище?

Линта'эл улыбнулся, как показалось Шеолу, немного нервно и проговорил:

— Не говори никому, ладно?

Тот кивнул, подсознательно понимая, что в этом и была причина того, что он не станет заставлять Линта говорить о том, о чем тот говорить не желает.

— Ты снова не пришел на тренировку, — наконец, сказал Шеол то, зачем искал юного фэйри.

Он не повышал голос, просто констатировал факт. К тому же Шеол не испытывал ни толики раздражения. Он даже примерно знал, что ответит ему Линта'эл.

Тот заговорил не сразу. Он положил закрытую книгу себе на колени. Ничего особенного в ней не было. Кажется, просто какой-то сборник плетений — один из самых распространенных видов книг, которые кто-то писал время от времени чисто для себя. Эта была еще и создана на скорую руку. Что же такого Линта'эл в ней нашел?

— Не пришел, — повторил он, — потому что это бесполезно.

— Бесполезно — уметь защитить себя? — все тем же ровным тоном спросил Шеолан'эл.

Линта'эл шевельнул пальцами. Движение было едва уловимым. Плетение сорвалось раньше, чем Шеол сумел как-то отреагировать. Он успел его распознать, но на то, чтобы выставить защиту, времени не было. Да, еще мгновение, и он, вероятно, будет частично или полностью парализован. Но плетение развеялось, не коснувшись его.

— Я могу защитить себя, — упрямо ответил Линт, — при этом мне не нужно убивать других фэйри.

Шеол понял, что действительно веского аргумента у него просто нет, а потом сказал единственное, что оставалось в запасе, прекрасно осознавая, что его собеседника это точно ни в чем не убедит.

— Это желание Калиад'эла, — спокойно напомнил он.

Линта'эл досадливо нахмурился.

— Он ведь куда-то отбыл несколько дней назад. Если ты ему не скажешь, он ничего не узнает.

— Если он меня спросит, я скажу, — парировал Шеол.

Линт пожал плечами:

— Ну, значит, Истоку зачем-то нужно, чтобы мы с ним снова поссорились. А долго его не будет? И куда он вообще отправился? — Линта'эл помрачнел. — Еще и с вооруженным отрядом.

Это было так похоже на начало нового конфликта, что и Шеолу было не по себе. Установившийся в последние несколько лет хрупкий мир грозил в одночасье вскипеть новой войной. И даже если это не коснется Двора Ночи и его вассалов напрямую, отголоски ее отразятся на всех.

— На север, к границе, — ответил Шеол после короткой паузы. — Взял отряд и отправился проверить дозорные башни. С одной из них передали, что видели что-то странное в мертвых землях.

— Странное в мертвых землях? Что там может быть, кроме шайсаров? — Линта'эл недоуменно воззрился на него.

Шеол качнул головой. Он не знал ответа.

Мертвыми землями называли теперь бесплодные просторы, которые, словно язвы, покрывали пятнами весь Эльлисар. Там не росли цветы. Не пели птицы. Погибли деревья.

Исчезли животные. Само пребывание там было небезопасным. Капля за каплей сама земля теперь вытягивала жизнь из любого, кто оказывался в ее власти.

Магическая ткань мира здесь угасла, и ее нити больше не наполнялись живой энергией.

А когда на небе появлялся погасший навсегда Иль-Сереniад, единственными, кто все еще бродил по опустошенным землям, были шайсары — не живые, но и не мертвые.

На севере владений Двора Ночи и его вассалов простиралась такая вот бесплодная огромная территория, отделяющая теперь их от земель Двора Зимы. Прежде там были города и резиденция Двора Звезд, одного из семи Блистательных, подчиняющихся Ночи.

Все случилось двенадцать лет назад. Двор Льда и Двор Звезд вступили в конфликт. За что? Почему? Иногда Шеолан'элу, с его склонностью к рациональному и логичному, казалось, что все эти войны с самого начала не имели никакого смысла. Каждая ситуация могла быть разрешена. Однако Тени не хватало чего-то, чтобы понять, как именно. Он мог выслушать речи одних и других, понять, кто говорит правду, а кто откровенно лжет. Но это часто никак не помогало в том, чтобы понять, как выйти из положений и не устроить очередной стычки, заканчивающейся кровопролитием.

Тут же он не мог даже вспомнить причину.

О том, что происходит Великие Дворы Ночи и Зимы узнали слишком поздно. Двор Звезд был истреблен. Его территорию и частично территорию Двора Льда поглотили мертвые земли.

На тот момент Калиад'эл был файрином Двора Ночи неполных два года. И перед ним стоял выбор: отомстить за вассала, тем более что это был удар по самому Двору Ночи, или поступить разумно.

И хоть в тот момент многие фэйри критиковали его решение (Звезды были не просто вассалами, Ночь связывали с ними и родственные узы), Шеол, зная все нюансы и сложности, с которыми столкнулся файрин, полностью поддерживал Калиад'эла в его решении.

Двор Зимы, на удивление, также согласился на переговоры. А Двор Льда получил наказание, достаточно тяжелое, но не жестокое, по меркам Черной эпохи, в которую им всем пришлось жить.

— Надеюсь, это не какая-то провокация Двора Льда, — пробормотал Линта'эл, как бы озвучивая общую догадку.

— Сейчас с их стороны это было бы крайне неразумно, — покачал головой Шеол, — сын их файрина, Сиан'эл, гостит в Ноктюрнисе.

***

Линта'эл родился в Черную эпоху, когда мир фэйри давно перестал быть единым, и за каждым Двором тянулся длинный кровавый след. Он не знал иного времени, не видел расцвета Эльлисара. Зато достаточно прочитал о Белой эпохе в книгах, собранных в Ноктюрнисе, чтобы понимать, как сильно изменился их народ, и как мало осталось от того, чем они когда-то были.

Его самого бедствия Черной эпохи пока обходили стороной. И он осознавал, что относительно спокойное детство — не более чем благосклонность Истока, что ему просто повезло быть частью самого могущественного из оставшихся Великих Дворов.

Иной раз, погружаясь в тексты, написанные до первых войн и Проклятий, Линта'эл ощущал бессильный гнев, направленный неизвестно на кого. То ли на файрина Двора Лета, жившего две сотни лет назад, с которого, как считали многие, началась Черная эпоха. То ли на всех вместе взятых файринов, правящих теперь, за то, что они не могли это все остановить. То ли на себя самого за то, что не может принять этот мир таким, какой он есть — наполненный смертью, болью, шайсарами и Проклятьями.

Эти мысли он сначала выплескивал на старших, на своих наставников и на брата. Но никто не мог ему внятно ответить, почему мир стал таким.

О своем одиночестве Линта'эл задумывался редко. Он не знал своей матери, говорили, что она умерла через месяц после его появления на свет и принадлежала к Двору Тени. Отца, прежнего файрина Двора Ночи, он помнил смутно. Только высокую фигуру, сердитый взгляд, который, кстати, унаследовал его брат, Калиад'эл, и имя. Но разве по всему этому можно скучать?

Не знал он и каково это — расти среди ровесников, спорить, делить радости, учиться вместе, шалить. Может быть, поэтому чисто детские проказы были ему чужды. Какой от них толк, если не с кем посмеяться, а потом вспоминать наказание?

Только вот, когда он научился плести чары и разбирать схемы плетения, даже самые странные и неразборчивые, по старым книгам, он иногда переступал за рамки дозволенного.

Но он хотел понимать. Разбирать узоры старых плетений, распутывать забытые структуры заклинаний, искать то, что считалось утраченным. В этом было что-то упрямо личное. Как будто, погружаясь в древние книги, он пытался на ощупь вернуться в Белую эпоху. Многим он и казался пришедшим из тех времен. И нередко даже Калиад'эл пытался понять, чью душу вернул им Исток, о котором фэйри в последние десятилетия вспоминали все меньше и меньше.

Линта'эла одинаково приводили в ужас судьба Великого Двора Сумерек, уничтоженного Проклятьем Пропасти силами трех других Великих Дворов, и то, что случилось в его детстве с Двором Звезд. И он просто не понимал, почему многие фэйри старшего поколения продолжают стремиться к тому, чтобы отомстить, развязать конфликт, пролить чью-то кровь.

Но на этот вопрос не получал четкого ответа. Ему пытались рассказать о том, с чего все началось, почему одни пытаются мстить другим, почему кто-то считает, что другой заслуживает смерти. На все это Линта'эл задавал всего один вопрос: а что будет, когда все отомстят друг другу?

Позже он научился молчать, пытаясь самостоятельно разобраться и найти ответы. Но ответы попадались ему лишь на его вопросы о магии. И она стала в итоге его страстью и целью, почти что превращаясь в самоцель.

А Калиад'эл пытался заставить его соответствовать миру, в котором он жить не хотел.

Тем удивительнее было, что общий язык он нашел с Шеолан'элом из Двора Тени, верным файрину Двора Ночи до последней капли крови, готовым подчиняться любым его приказам.

Однажды, на заре Черной эпохи, Двор Тени, не Великий, а лишь Блистательный, остался без защиты сюзерена. И долгие годы был мишенью для других Дворов по разным причинам, пока однажды ставший файрином Великого Двора Ночи рэйн Калиад'эл не совершил то, чего до него не делал никто. Он предложил осиротевшему Двору Тени стать вассалом Ночи. Принял чужого Блистательного вассала под свое покровительство. Его осудили, ему заявили, что таким образом он внесет смуту и разлад среди остальных своих Блистательных Дворов, что это положит начало конца Двору Ночи. Но этого не произошло. Напротив, остальные вассалы Ночи приняли Тень. Установились со временем и дружеские, и родственные связи, как это и должно быть между вассалами одного Великого Двора. И преданность Тени была вполне заслужена.

Шеол слушал Линта… и никогда ни с кем не обсуждал его слова и мысли. Даже с самим Калиад'элом. И лишь однажды сказал, что думает, что Линта'эл прав на счет мести друг другу и Черной эпохи, и жалеет, что среди фэйри Великих Дворов так мало тех, кто задумывается о том же.

А Линта'эл, в свою очередь, никогда не позволил бы себе оскорбить хоть как-то глубоко спрятанные чувства фэйри Тени, если бы…

Если бы их объектом не была Алин'юйт…

Алин'юйт купалась в лучах всеобщего внимания, словно редкий цветок, распустившийся посреди суровых будней. Ей нравилось ощущать восхищенные взгляды. Алин'юйт не была обременена важными делами или полезными занятиями. Ей никто ничего не навязывал.

Она любила восхищение. Не показное, а тонкое, обволакивающее, как шелковый шлейф. Любила, когда на нее смотрели чуть дольше, чем нужно. Когда кто-то замолкал при ее появлении.

Как у всех фэйри Двора Ночи, включая обоих ее братьев, у Алин'ют были черные, чуть ли не отливающие синевой волосы, переливающиеся на свету антрацитовым блеском и глубокие темно-синие глаза, белая, словно мрамор, кожа. Черты лица Алин'юйт были изящнее, чем у других, словно выточенные искусным мастером: тонкие линии бровей, высокие скулы, мягкий изгиб губ. Ее грация и утонченность делали ее не просто красавицей, а истинным воплощением великолепия.

Она освоила магию Двора Ночи — с легкостью, без надрыва. Она умела врачевать: залечивала раны, снимала жар, помогала тем, кому было больно. Этого было достаточно. Никто не требовал от нее большего. Она была любимой младшей сестрой Калиад'эла. Прекрасным сокровищем Двора Ночи.

Калиад заботился о ней иначе, чем о Линта'эле. С ним он был требовательным, строгим, временами жестким. С Алин — мягким, снисходительным. Она могла сказать что угодно, совершить глупость, забыть об обещании. И все это легко прощалось. Не потому что он был слеп. А потому что не мог всерьез ее наказать или отругать.

Линт не завидовал и не чувствовал обиды. Он просто не мог понять ее образ жизни, ее стремление к внешней мишуре и отсутствие глубоких интересов. В его глазах ее существование казалось каким-то необъяснимым исключением из суровых правил их времени, словно яркая бабочка, беспечно порхающая над полем битвы. Он не осуждал ее, но между ними была пропасть. Она жила в мире, где восхищение было целью. Он — в мире, где каждая крупица смысла стоила ночей без сна. И эти два мира редко пересекались.

***

Сад Ноктюрниса был залит белым светом послеполуденного солнца. Его лучи солнца проникали сквозь резные арки и ветви деревьев, отбрасывая причудливые тени на каменные дорожки. Журчала едва слышно в узких каналах вода.

Линта'эл любил это место, но в последнее время его также облюбовала сестра со своим ненаглядным кузеном из Двора Льда. И Линт ничего против них не имел, если бы не то, что эти двое постоянно собирали и разносили какие-то слухи и сплетни — неизбежное последствие того, что Алин была большую часть времени не занята вообще ничем.

И на этот раз они снова были здесь.

У мраморной скамьи, утопающей в цветущем плюще, сидели Алин'юйт и Сиан'эл. Он, расслабленно откинувшись, что-то говорил, а потом оба рассмеялись — легко и непринужденно, с интонацией, в которой угадывалась насмешка.

Линт поморщился и собрался было пройти мимо, когда до него донеслось:

— …с этими глазами, как у стеклянного истукана? — говорил Сиан'эл, изящно приподнимая бровь. — Алин, да даже если это и правда, зачем тебе такое… такое… ммм… убожество?

— Может быть, я собираю коллекцию? — засмеялась она.

— Ну, разве что для ее разнообразия!

— А давай спросим у моего брата, — вдруг громко сказала она, повернувшись к все еще не успевшему покинуть сад Линта'элу, — иди сюда, не бойся, мы тебя не покусаем, братишка.

Линт с досадой выругался сквозь зубы. Можно было бы махнуть на нее рукой, но вдруг что-то заставило его насторожиться. С чего бы его сестре интересоваться у него кем-то из своих ухажеров? Да и вероятно, раз она сама не уверена, следует послушать и, может быть, предупредить бедолагу. Хотя многие не прочь получить даже такой мизерный знак внимания

от его сестры. Особенно фэйри, принадлежащие к Блистательным Дворам. Знали бы они, что Алин'юйт о них думает и говорит…

Линта'эл неохотно подошел к ним и спросил:

— Что вам нужно?

Алин'юйт лучезарно улыбнулась, в ее глазах мелькнул озорной огонек.

— Да ничего особенного, братишка. Просто захотелось поболтать. Ты же такой молчаливый в последнее время.

— О чем? — он продемонстрировал вполне искреннее недоумение. — Думаешь, мне это будет интересно?

Но тут в разговор вмешался Сиан'эл, до этого лишь наблюдавший за происходящим с улыбкой заговорщика.

— О, да не будь ты таким колючим, рэйн Линта'эл, — засмеялся он. — Скажи-ка лучше, тебе известно что-нибудь о том, что наш мрачный фэйри Тени, Шеолан'эл, кажется, ищет благосклонности твоей очаровательной сестры?

Линта'эл едва не поперхнулся, и вполне искренне рассмеялся. Нет уж, нет уж… Такого удовольствия он им не доставит.

— Ох, сестрица-сестрица, — отсмеявшись, проговорил он, — вы, что, серьезно?

Однако его реакция не смутила ни Алин'юйт, ни Сиан'эла. Напротив, в глазах сестры вспыхнул азарт.

— Ты еще так наивен, братец, — с ноткой снисхождения произнесла она, — никогда не задумывался о том, что твой приятель общается с тобой лишь затем, чтобы быть ближе ко мне?

— Скорее уж, чтобы держаться подальше от тебя, — Линта'эл вновь не сдержал смешок. — Алин, ты считаешь, что абсолютно все вокруг поголовно влюблены именно в тебя? Или это твои полуденные грезы? Ты часом на солнце не перегрелась? Что за дурость ты придумала, а?

Речь его прервала звонкая оплеуха. Сиан'эл занес руку, чтобы ударить снова, но Линта'эл увернулся и отскочил, прижав левую руку к багровеющему уху.

— В моем Дворе принято наказывать грубиянов! — резко бросил ему кузен его сестры.

— Но ты не в своем Дворе, — несмотря на боль и обиду Линт постарался говорить спокойно, — и я бы не советовал тебе…

— Связываться с тобой? А что ты можешь? Наябедничать? Извинись перед рэйн Алин'юйт!

Линта'эл бросил взгляд на сестру, потом на ее яростного защитника. В груди клокотала злость, такая, что ей можно было испепелить все в этом саду. Иногда, в такие вот короткие моменты, ему приходило в голову, что он понимает, что такое месть и желание отомстить. Однако…

Короткое, почти неуловимое шевеление пальцами. Было много такого, что он освоил, вычитывая старые схемы плетений из книг. Кое-что было безопасно, но очень неприятно. И кое о чем он знал из своего личного опыта, потому как пробовать было больше не на ком…

Сиан'эл, видимо, собирался что-то сказать, но внезапно вцепился в подбородок, словно ему свело челюсть. Алин испуганно взглянула на него, но тоже не смогла разомкнуть уста. Ее младший брат же удалившись на безопасное расстояние, потер ухо и щеку и улыбнулся злорадной улыбкой:

— Нет, зачем мне ябедничать? Это уж ты, сестрица, не подведи. Расскажи о том, что я себе позволяю. Ой! — он картинно округлил глаза. — Ты же не сможешь говорить еще часа три! Но потом обязательно расскажи всем!

И до того, как Сиан'эл, наконец, сообразил, кто является главным виновником того, что с ним и Алин'юйт приключилось, и бросился на Линта'эла, тот уже юркнул в арку, ведущую к лестнице и исчез из виду, не то чтобы довольный собой, но как минимум получивший некоторое удовольствие от созерцания двух испуганных лиц.

— Меньше будут сплетничать и болтать чушь, — пробормотал он себе под нос, когда внезапно накатила волна раскаяния: он только что нанес вред фэйри с помощью магии.

Но приступ угрызений совести быстро прошел, когда он подумал о Шеоле. Надо бы его предупредить, что Алин внезапно решила сделать его частью своей… коллекции.

Но в следующий миг он и об этом уже не думал.

***

Линта'эл, скрывшись от преследования, поднялся к переходу в другую часть Ноктюрниса. Здесь Сиан'эл даже если очень постарается, его уже не найдет и не догонит. В конце концов, Линт в Ноктюрнисе жил с самого рождения, знал его закоулки, как свои пять пальцев. Куда уж играть с ним здесь в догонялки, еще и испытывая дискомфорт от плотно сжатых челюстей, которые не разжать ничем и никак.

И уже спустившись в холл той части дворца, что использовалась для официальных мероприятий и торжеств, он заметил какую-то суету и всеобщее движение.

Здесь были фэйри Двора Ночи и вассальных ему Дворов, множество фэйри Малых Дворов, что служили в Ноктюрнисе. Кто-то торопился по лестницам и переходам, кто-то спустился в холл одновременно с Линта'элом. И большинство устремилось к одной из трех парадных галерей. Но многие, обратив туда свой взор, не решались выйти вперед.

Линта нашел среди толпы Шеола, уже почти достигшего выхода на галерею.

— Что происходит?

Фэйри Тени был напряжен, если не сказать мрачен. Он ответил коротко:

— Рэйн Калиад'эл вернулся. С ним Двор Звезд… то, что осталось от Двора Звезд.

Линта'эл ощутил, как от этих слов по спине пробежал холодок.

Двор Звезд погиб в конфликте с Двором Льда двенадцать лет назад. Их владения стали частью мертвых земель. Невозможно, чтобы там выжил хоть кто-то в течение такого длительного времени… Или… Шеолан'эл не имел в виду, что кто-то выжил?

Его захватил страх и неуверенность перед тем, что он может сейчас увидеть, видимо, как и многих из тех, кто услышал новость, вышел в главный холл, но не в силах двинуться к галерее, чтобы встретить файрина Двора Ночи, его отряд и тех, кого уже похоронили много лет назад.

Спустя несколько долгих секунд, когда Шеол уже ушел далеко вперед, Линта'эл, наконец, совладал с охватившим его чувством, и двинулся следом за фэйри Тени.

По галерее медленно продвигалась группа фэйри. Они были так истощены, что в первый момент Линта'элу показалось, что это и не фэйри вовсе, а нечто совершенно незнакомое, чуждое, может быть даже не совсем живое: проступающие сквозь кожу кости, лохмотья, едва прикрывающие их изможденные тела, потухшие глаза казались огромными, а кожа на впалых щеках напоминала пергамент.

Линта'эл с ужасом наблюдал за этим шествием теней, чувствуя, как внутри нарастает холод. Теперь он и в самом деле был как будто не в силах пошевелиться, глядя на тех, кто приближался шаг за шагом.

Но чем ближе они подходили, тем меньше сомнений было в том, что это и в самом деле фэйри Двора Звезд.

Глаза у всех были светлыми, у некоторых почти белыми, но все же с льдистой голубизной. Взгляды блуждали по окнам и стенам галереи. Похоже было, что многие не верят, что оказались здесь спустя столько лет. А другие просто настолько изможднены, что им уже все равно… И у всех серебристо-белые волосы, и словно покрытые инеем, такие же белые ресницы и брови — черты фэйри Двора Звезд, знакомые по портретам, книгам, иллюстрациям в залах памяти.

Один фэйри, чуть выше других, с белыми прядями, упавшими на глаза, нес на руках что-то… или кого-то. Существо в его объятиях казалось почти невесомым: тонкие руки, обмякшее тело, голова, склоненная набок. Было трудно сказать, кто это: девушка, ребенок или подросток.

Линта'элу казалось, что время остановилось, а воздух стал густым и неприятно холодным. Перед ним предстали живые призраки погибшего Двора, возвращенные из небытия. В груди поднялась волна жалости, ужаса и непонимания. Что могло случиться с ними за эти двенадцать лет? Как они выжили в мертвых землях, где сама жизнь отказывалась существовать? И как же так получается, что возвращение в мир живых тех, кого уже похоронили и оплакали, не вызывает радости? Только тяжесть в груди и тревожное предчувствие.

Высокий фэйри с ношей на руках запнулся, оступился и едва не упал. В этот момент оцепенение спало, и Линта’эл оказался рядом с ним раньше остальных, даже раньше Шеола, чтобы подхватить под локоть, поддержать. Благо, ему это удалось. Фэйри тяжело опустился на колени, но не упал и не выпустил того, кого держал на руках. В тот же момент Шеолан’эл тоже оказался рядом, чтобы помочь ему.

Фэйри Звезд отпустил свою ношу неохотно, руки дрогнули, когда он передал тело Шеолу.

“Мертв”, — пронеслась в голове Линта’эла мысль. Стало горько от осознания, что кто-то еще из них буквально чуть-чуть не дожил до спасения.

Но фэйри на руках Шеола слабо пошевелился. Тот, кто его нес, с облегчением прикрыл глаза, а потом взглянул на Линта’эла, перевел взгляд на Шеолан’эла и произнес тихим шелестящим голосом:

— Варго’эл, файрин Двора Звезд, приветствует Двор Ночи и Двор Тени… — и растянул потрескавшиеся губы в вымученной улыбке.

— Что вы там стоите? Помогите им! — раздался голос с дальнего конца галереи.

Калиад’эл шел быстро, чеканя шаг. Слова его были адресованы тем, кто в ужасе и оцепенении замер у выхода, не решаясь подойти ближе.

— Еда, вода, одежда! — коротко бросил файрин Двора Ночи. — Комнаты в моем крыле! И кристалл санктуария! Сегодня больше никто не должен умереть! Никто!

Глава 2. Варго’эл

— Рэйн Вальтар’эл, мои знания не уступают знаниям большинства. А навыки… Почему ты не хочешь позволить мне их развивать?

Линта’эл догнал его почти у самых дверей комнат Ноктюрниса, отведенных под лазарет, в холле, залитом мягким светом кристалла санктуария.

Вальтар с самого первого разговора с юным братом файрина вчерашним вечером знал, что простым “нет” он не отделается. Но следовало признать, что его отказ был продиктован опасением за безопасность самого мальчишки, а вовсе не снобизмом по отношению к его молодости.

— Я не отрицаю твоих знаний, Линта’эл! — проговорил он спокойно. — Но между знанием и безопасным применением его на практике лежит пропасть. Особенно сейчас. Ты ее еще не преодолел.

— Это удобная причина, чтобы держать меня в стороне! — резко бросил Линт. — Но я не ребенок, которого нужно оберегать. Я способен действовать и знаю, что делаю.

Вальтар медленно кивнул, словно признавая за юным фэйри его право на решительность.

— Я и не говорю, что ты не способен. Но те, кому ты хочешь помочь… они истощены не только телом. В них зияет пустота, Линта’эл. Они живы каким-то чудом. Я никогда не видел, чтобы чей-либо магический узор был в таком состоянии. Ты знаешь, как работать с разрывом магической ткани и чем это опасно?

— Соразмерное заполнение силой еще целых частей узора, контроль регенерации, готовность блокировать, если поврежденная ткань потянет энергию на себя. Я знаю, что делать, рэйн Вальтар’эл!

Вальтар, поколебавшись, сделал шаг к арке, снова остановился.

— Они выжили там, где выжить было невозможно, и продержались долгие годы. Это само по себе чудо. И трагедия. Я понимаю твое желание быть рядом. Но…

Линта’эл не отвел взгляда.

— Селиан’айт знает, на что я способен. Шеолан’эл — тоже. Если ты не доверяешь моим словам, спроси их!

— Это не вопрос доверия, — вздохнул фэйри, качнув головой, — прав ты в одном: если не начинать, не будет и опыта. Поэтому… я соглашусь, — он на мгновение помедлил, — но ты будешь не один. Дэрин’эл за тобой присмотрит. И если ему не понравится что-то, он имеет право выставить тебя за дверь.

— Понял, — тихо ответил Линта’эл.

— И еще, — добавил Вальтар, уже отходя, — если почувствуешь, что становится трудно — не упрямься, зови на помощь.

Линт еще раз кивнул, в глазах светилась решимость напополам с благодарностью. Вальтар’эл указал в сторону двери отделяющей их от лазарета и пропустил вперед юного фэйри.

Что на это скажет Калиад’эл? Вальтар очень надеялся, что старшему брату будет просто некогда разбираться с тем, кто и почему допустил младшего до лазарета. А младший не облажается. Во втором он был даже уверен больше, чем в первом.

***

Линта’эл сидел на полу на коленях. Так было проще, удобнее, ближе. А, может быть, он просто не мог найти места, и в конце концов сел, как всегда, на пол, когда нужно было на чем-то сосредоточиться.

Его пальцы дрожали, когда он потянул тончайшую нить силы, формируя из нее иглу, чтобы вплести в кружево магического рисунка фэйри, залатать его, соединить с другой, еще более-менее целой частью. Хрупкая, почти прозрачная девушка казалась совсем не похожей на фэйри, словно была призраком из потустороннего мира. Если бы Линт не держал ее за запястье, холодное, но вполне реальное, и не знал, что все призраки — это порождение чьей-то иллюзии или фантомы, вызванные магией Двора Тени, то решил бы, что она и есть что-то такое. Но нет… она была живой. Пусть жизнь и теплилась в ней подобно угасающей во тьме свече.

Это не было лечением в привычном смысле — ни ран, ни крови, ни воспалений. Только пустота, разорванная, истончившаяся до прорех магическая ткань, что пронизывает все живое.

Дэрин'эл поручил ему с одной стороны простое, а с другой выматывающее дело — делиться силой. Это было бы проще простого, если бы не одна беда — нельзя было отдать слишком много сразу. Если все сделать правильно, магическая ткань, получившая энергию, должна была начать регенерировать. Если ошибиться…

Сила текла по нитям, заставляя их вспыхивать живой энергией, но затем они просто отторгали ее. Он попытался влить больше, но к своему ужасу увидел, как в его силе сгорает и без того поврежденный узор. Вовремя остановился. Заставил себя посидеть и подумать.

Ему не хватало опыта и умения дозировать магию. Да, он умел это делать там, где работа с силой не должна была быть такой ювелирной и все же… Ведь когда он выплетает новую нить кружева, на нее тратится совсем мало магии, прямо-таки капля, а то и меньше…

А что если…

Сначала — структура. Потом — сила. Надо плести, словно плетешь чары. Выстраивать новые связи. Искусственно, поверх тех, что погасли и истончились.

Он начал постепенно восстанавливать рисунок. Наполнял силой тусклые нити, а потом этой же силой оплетал их, вытягивал продолжение, соединял с другими, заворачивал в кружево плетения…

— Медленно… — бормотал он, обращаясь к самому себе, — еще медленнее…

Это было сложно. Линта'элу никогда не приходилось разделять магию на столь крошечные порции. Вот это мало? Нет, это много, слишком, чересчур, надо меньше, еще меньше, еще…

Дэрин'эл, который должен был за ним присмотреть, наблюдал со стороны, не вмешиваясь, молчал. И Линта'эл был ему благодарен, но не понимал, почему целитель не дал никаких советов, не сказал ничего, просто смотрел, пока под его руками не засветился живым теплом магический узор размером всего-то в ладонь шириной. Тогда откуда-то издалека раздался голос того, кто должен был его направлять:

— Ты сможешь такое повторить?

Линт осторожно поднял взгляд, не выпуская из пальцев концы плетения, которое только что восстановил. И понял, что Дэрин'эл обращается не к нему.

— Придется полностью менять подход. Но это намного эффективнее…

Линта'эл не дослушал. Ему не мешали, не останавливали. Он не заметил, как это произошло, полностью погрузившись в свою работу. Шаг за шагом, петля за петлей создавая новый узор вместо разорванного, истончившегося. Словно новая молодая лоза давала побеги, оплетая старую, обнимая ее и вдыхая в нее жизнь.

Лишь к концу дня он понял, что никто ни разу не посмел вмешаться в то, что делал он, по сути, мальчишка, не имеющий опыта, не знавший, что такое настоящее целительство. Он был уверен, что его хоть раз остановят. Он ведь был ребенком. Ему должны были сказать: "Здесь ты ошибся", "Оставь, тут ты не справишься", "Ты не понимаешь, с чем имеешь дело".

Но никто не сказал. Лишь подходили время от времени, молча наблюдали за тем, что он делает.

И он продолжал.

В какой-то момент он столкнулся с тем, о чем говорил ему Вальтар'эл. Линт закончил участок узора, и пустив по нему тонкую струйку энергии, собирался несколько секунд просто наблюдать, как она течет, наполняя магическую ткань… Но именно тогда вместо того, чтобы подчиниться ему, течь потихоньку, ее потянуло резко, а он не удержал защиту. Всего на секунду или две он растерялся, почти запаниковал, но успел сконцентрироваться раньше, чем кто-то из окружающих понял, что что-то не так.

Голова кружилась, в висках стучало. Да… еще миг и он вместе с этой фэйри улетел бы в пропасть полную тьмы, в мертвые земли, из которых она никак не могла выбраться.

— Все хорошо, — прошептал он сам себе, — Калиад же сказал, что больше никто не умрет.

На плечо легла тяжелая горячая рука.

— Как самочувствие? Устал?

Линт поднял голову, увидел Вальтар'эла и коротко кивнул.

— Я в порядке. Только закончу с…

— На сегодня все!

— Но я не закончил…

— Хочешь завтра вернуться?

Линта'эл сглотнул, ощутив сухость в горле и пустоту там, где должен был быть желудок. Ему и в самом деле на сегодня хватит. Но как оставить то, что он не закончил? Узор распадется… И…

— Я заменю тебя, — раздался еще один знакомый голос, — я почти два часа наблюдала за тем, что ты делаешь.

Селиан'айт сидела рядом. А он ее и не заметил. Он огляделся… В лазарете уже не было никого из тех, с кем он начал в это утро.

— Иди отдыхать, — с нажимом произнес Вальтар'эл, — и поешь. Завтра вернешься.

Но на следующее утро у самых дверей он столкнулся с тем, с кем как раз немного побаивался тут встретиться, хоть и понимал, что это неизбежно. Калиад'эл остановил его на входе.

— Сегодня тебе сюда нельзя.

Линта'эл, готовый было спорить, даже если это бесполезно, внезапно понял, что ему сказали. Сегодня нельзя. Это не значит, что запрет окончательный и постоянный.

— Почему сегодня? — тут же выдал он.

Калиад подумал пару мгновений, положил руку ему на плечо и сказал:

— Пошли, поговорим…

Они были братьями, но между ними всегда была пропасть. Слишком большая разница в возрасте, слишком разные условия воспитания, слишком разные взгляды на жизнь и эпоху, в которую они оба родились.

Калиад'эл застал времена, когда о мертвых землях никто ничего не знал, как и о шайсарах, а границы владений Дворов охраняли только от других Дворов, когда еще не превратилось в пыль величие Белой эпохи. Но гордость и непреклонность файринов Великих Дворов, желание что-то доказать, кому-то отомстить, кого-то унизить заставляли их снова и снова приближать конец Благословенного Эльлисара, даже не подозревая, к чему ведут бесконечные войны. Его научили этой гордости, научили, что все решает сила клинка и магии.

Его младший брат, несмотря на то, что всего пару раз был на границе с мертвыми землями, а тлен еще не достиг Ноктюрниса и прилежащих к нему владений, знал лишь этот умирающий мир. Где иной раз ценой чьей-то жизни приходилось отвоевывать небольшие участки, чтобы не дать шайсарам поглотить территории, где пока еще Эльлисар сохранял свой первозданный вид.

Между ними лежали десятилетия жизни, которую прожил один и о которой так мало имел представления другой.

Линта'эл шел за братом и все гадал, что сейчас будет. Его отчитают? Все-таки запретят приближаться к лазарету? Может быть, вчера он сделал что-то не так? Но почему тогда никто не сказал ни слова об этом? А если ошибку… какую-нибудь фатальную ошибку обнаружили позже? Можно ли было ему доверять целую жизнь?

Калиад пропустил его вперед, раскрыв перед ним двери своих внутренних покоев. Здесь царил полумрак и было пусто. Значит, даже если его будут отчитывать, то наедине. Уже неплохо.

Спустя пару мгновений они сидели друг напротив друга. Между ними — тяжелый письменный стол из черного дерева. Калиад'эл смотрел напряженно, но без раздражения, что-то обдумывая. Линта'эл молчал.

— Ты знаешь, что ты вчера сделал?

В тоне не было обвинения, укоризны или гнева. Просто вопрос. А в глазах Калиада светился странный огонек, словно он ждал какого-то правильного ответа.

— Я… — Линт запнулся.

Что если дело в том, как он работал с восстановлением магической ткани той фэйри? Ему ведь сказали делать совсем не это. Он сам решил, что может попытаться… Это было… как какой-то знак свыше, вдохновение, подаренное Истоком… Но что если он все же поступил неправильно?

— Я попробовал восстановить магический узор, как будто плету свои собственные чары, просто повторял рисунок омертвевших нитей. Это…

— Дэрин'эл пришел ко мне вчера днем. И сказал, что ты сделал нечто такое, о чем не написано ни в одной из книг. Заставил меня согласиться оставить тебя при лазарете до вечера, чтобы каждый целитель увидел твою работу. Он должен был отправить тебя отдыхать в обед. И я вижу, что ты до сих пор не восстановился.

— Это не имеет значения! Я мог бы продолжить сегодня… Если я не допустил никакой ошибки, почему...?

— Они оба так и сказали, что ты сам ничего не понял, — Калиад'эл качнул головой, вздохнул и проговорил: — ты не допустил никакой ошибки. Никто никогда не имел дела с такими повреждениями магической ткани. Никто… ни Дэрин'эл, ни я, ни Вальтар'эл… никто не знал, что делать. Раны от оружия, раны от магии, раны нанесенные шайсарами. Все не то. Ты сделал нечто, о чем никто из нас не догадался. Поэтому…

— Так мне можно будет вернуться в лазарет?

— Линта'эл! Ты понимаешь, о чем я говорю?!

— Кажется… — он пожал плечами, но жест вышел немного нервным, — у меня тоже ничего не получилось сначала. Магическая ткань, даже если плоть жива, не регенерирует из такого состояния, сколько силы в нее не вливай. Мало — она просто уходит в никуда, много — повреждает еще сильнее. Это ведь было… логично попробовать восстановить ее своими руками.

Он все еще сомневался. Шутка ли, в пятнадцать лет сделать нечто, о чем не подумал никто с огромным опытом и знаниями. Но с каждым словом обретал уверенность в том, что сделал, в том, что его догадка оказалась такой удачной…

— Ты можешь вернуться, — спокойно кивнул Калиад'эл слабо улыбнувшись, — и… если ты так не хочешь, можешь не приходить на тренировочную площадку. Я знаю, что за время моего отсутствия ты не был там ни разу. И нет… Шеолан'эл ничего не сказал. Он просто молчит очень красноречиво, когда не хочет отвечать. И еще… Ты теперь переходишь в распоряжение Дэрин'эла.

Линт, замерший в удивлении от его слов, не верящий, что, наконец, тяжелая повинность в виде попыток что-то изобразить с тренировочным мечом отныне его не касается, взглянул на брата вопросительно.

— Ты просил о практике, как мне передали, — сухо пояснил Калиад, - будешь практиковаться. Под надзором.

***

Плести свои собственные чары было намного легче, чем восстанавливать узор чужой магической ткани. Первый день было тяжело, но им двигала какая-то одержимость: попробовать, посмотреть, понять, получается ли… Теперь же все превратилось в рутину, требующую постоянного сосредоточения. Это выматывало физически даже больше, чем постоянный расход магии до последней капли. Дважды Дэрин'эл выпроваживал его, когда он едва не переступал ту невидимую грань, когда резерв исчерпан полностью, но Линта'эл продолжал свой труд.

На четвертый день произошло то, ради чего он сюда пришел. Еще вечером предыдущего дня он соединил две части кружева, замкнул контур и увидел, как собственные магические нити лежащей перед ним фэйри ожили, началась регенерация. Ей уже хватало сил на то, чтобы излечить саму себя.

И следующим утром в комнате, залитой мягким утренним светом, фэйри Двора Звезд вдруг открыла глаза.

И на этот раз взгляд был чистым. Незамутненным. Как вода в горном роднике. Она медленно повернула голову и встретилась взглядом с ним. И одними губами прошептала:

— Спасибо.

Линта'эл так и замер, будто его окатили ледяной водой и одновременно внутри запылал огонь. Он и в самом деле не ошибся! Не то чтобы у него оставались сомнения на этот счет. Однако увидеть, как жизнь вернулась в чей-то взгляд, сейчас оказалось бесценным.

Он кивнул ей почти незаметно.

И впервые за эти дни подумал, что, быть может, это и есть настоящая магия. Не те плетения, самые разные, порой полезные, а часто просто красивые, которые он создавал и изучал в тайне от всех. А вот это!

С Калиад'элом последовавшие за их разговором дни он виделся несколько раз. Но все это было мимоходом, и толком они больше не разговаривали. Первый раз они лишь издали кивнули друг другу, а потом брат коротко расспросил Дэрин'эла и ушел. Позже они также обменивались дважды короткими приветствиями, один раз Калиад спросил, все ли хорошо. Кажется, было это к концу третьего дня работы Линта в лазарете, именно тогда, когда он почувствовал, что такое грань и где она на самом деле проходит.

Алин'юйт, этот цветок Двора Ночи, целительница, прекрасно владеющая магией, посетила лазарет всего один раз. И он бы не заметил ее, если бы сестра не разыграла целую драму, продемонстрировав ужас, жалость и в конце картинно изобразив почти что обморок. Словно ее чуткой и нежной душе было невыносимо находиться среди боли и страданий.

— Рэйн Алин'юйт, позволь помочь тебе.

— Я так благодарна тебе, рэйн Шеолан'эл, — проговорила она слабым, едва не срывающимся в рыдания голосом.

Только в этот момент Линта'эл, наконец, оторвался от своего пациента буквально на мгновение, чтобы увидеть, как его сестра удаляется из лазарета в сопровождении фэйри Тени. В голове мелькнуло воспоминание о том, что он так и не поговорил с Шеолом об Алин, но он отмахнулся от этого. Все же Шеол не его ровесник. Тем более с талантами его Двора он не даст заморочить себе голову…

***

— Ты же была вместе с Калиадом, когда вы их нашли…

— Линта’эл, — Селиан’айт убрала упавшие на лицо волосы, — не думаю, что тебе стоит такое слушать. Может…

— Ты забыла, где я провожу последние несколько дней? Тебе не кажется, что странно обращаться теперь со мной, как с ребенком?

— Вовсе я не это имела в виду, — фэйри скривилась, как от кислого, — просто об этом и говорить тяжело, и слушать… К тому же, Ниэль’айт рассказала еще больше. И я просто не знаю… Такое даже представить себе сложно, а принять…

— Я могу вообразить себе разные ужасы мертвых земель. И с трудом представляю, как там можно выжить, да еще и так долго. Но прекрасно могу вообразить, какой след мертвые земли оставили на их телах. Какой смысл беречь меня от этих подробностей? Я уже видел достаточно.

— Ладно, — она вздохнула, вновь поправила волосы, на некоторое время замолчала.

Они сидели на парапете стены, отделяющей тренировочные площадки от сада. Так можно было смотреть и на ту, и на другую сторону, видеть тех, кто прохаживается по дорожкам, и тех, кто решил в погожий, теплый осенний денек поупражняться с оружием в руках.

Селиан’айт была из тех, кому проще было обращаться с клинком, чем с магией. Она была на год старше Алин’юйт и могла бы вести тот же образ жизни, что и сестра файрина Двора Ночи. Как ни крути, а Селиан, приходясь Калиаду и Линту пусть не сестрой, а кузиной, все же была с ними в очень близком родстве. Но она выбрала свой путь.

Исцеление — талант Двора Ночи, которым в той или иной степени владели все принадлежащие ему фэйри. Потому в лазарете ей тоже нашлась работа. Однако повторить то, что сделал Линта’эл, она все-таки не смогла. Оставалась на ночь, поддерживать уже восстановленное плетение. И это тоже было немало.

Селиан всегда была оторвой. А когда поняла, что ее тяга к оружию не возбраняется, поставила себе цель — сравняться по мастерству с именитыми воинами Двора Ночи. И оставалась упорна на своем пути. Она была среди тех, кого Калиад’эл взял с собой проверять дозорные башни, она же была вместе с файрином, когда они нашли остатки Двора Звезд.

Наверное, лучше нее никто бы не рассказал всего. Калиад не любил долгих речей и отделался бы сухим изложением фактов. Дэрин и Вальтар не могли все же отделаться от того, чтобы обращаться с Линта’элом как с ребенком. Селиан же, сама потрясенная и увиденным, и услышанным, не могла сдержать эмоций, и не стала избегать подробностей.

— Все случилось очень быстро, — наконец, проговорила Селиан, — и в этом было самое страшное. Пока на севере шли стычки с Двором Льда, на востоке что-то случилось, было разрушено несколько кристаллов санктуария…

…Почему там оказалось такое количество шайсаров, что они мгновенно заполонили территории Двора Звезд, уничтожив тех, кто оставался дежурить на сторожевых башнях? Никто не знал. Двору Звезд пришлось сражаться за себя и свои земли на два фронта. С одной стороны Двор Льда, с другой — пустота мертвых земель и шайсары.

Вскоре резиденция Двора Звезд была уничтожена, а фэйри этого Двора истреблены.

Эту часть истории Линта'эл знал. Эти события еще тогда были восстановлены и едва не стали причиной масштабного конфликта уже Двора Ночи с Двором Зимы.

Никто не знал, что история Двора Звезд не закончилась на этом. Никто даже предположить не мог, что там можно выживать целых двенадцать лет.

Осталась горстка, едва ли сотня, уцелевших. Они нашли убежище в узкой долине, окруженной неприступными горами, — последнем островке жизни, чудом нетронутым среди расползающейся тьмы мертвых земель.

Варго'эл не был тогда ни файрином, ни лидером. Он был просто одним из них, таким же, как и все, потерянным, испуганным, отчаявшимся. Но именно он стал их опорой, тем, кто заставил их пережить эти двенадцать лет.

Он сделал невозможное — заставил их выживать там, где само дыхание мертвых земель отравляло воздух.

У них не было ни куска санктуария, чтобы остановить наступление пустоты. Именно Варго сказал: «Мы будем этими кристаллами. Мы сами станем санктуарием».

Они отдавали силу. Делились ею друг с другом. Кто-то передавал все, что у него было, чтобы сохранить землю, исчезал, становясь частью долины. Кто-то, наоборот, упрямо держался, чтобы быть донором для тех, кто слабее. И никто из них уже не понимал, где грань между волей и обреченностью.

Когда отчаяние сковывало их души, Варго'эл вселял в них веру в спасение, хотя и не мог сказать, придет ли оно. Он заставлял их жить, цепляться за каждый новый день, даже когда смерть забирала одного за другим.

Когда кто-то умирал, Варго говорил, что оставшимся выжить будет проще. И он же боролся за каждую жизнь, пока сам не истощил свои силы до предела, оказавшись на пороге небытия.

А вырвав самого себя из объятий смерти, он с еще большей уверенностью стал говорить, что однажды помощь придет. Не завтра, но однажды.

Из почти сотни их осталось лишь семнадцать. А их долина превратилась в такую же мертвую землю, как и все вокруг. И тогда им пришлось встретиться лицом к лицу с шайсарами, защищаясь из последних сил, используя остатки магии, чтобы отсрочить неминуемое.

Именно этот отчаянный выброс энергии заметили со сторожевых башен Двора Ночи…

В голосе Селиан'айт все еще звучал ужас от осознания того, что пришлось пережить другим, которых все считали давно погибшими. Но чувствовалось и другое — глубокое уважение, почти благоговение, когда она произносила имя Варго.

Линта'эл и сам его почувствовал. Перед глазами стояла галерея, фэйри Звезд, бредущие по ней, едва живые, странный блеск в глазах Варго'эла, когда они встретились взглядом. Наверное, надо быть чуточку безумным, чтобы выжить в таких условиях и заставить выжить всех остальных.

В его голове роились мысли. Линта'эл всегда считал войну и месть бессмысленной, но сейчас, слушая о страданиях Двора Звезд, он впервые почувствовал, как в его сердце зарождается что-то похожее на гнев. Но это был не гнев, жаждущий крови. Это было скорее потрясение перед стойкостью духа, способного выжить в аду, и горечь от осознания, какой ценой достается эта стойкость.

***

К концу седьмого дня стало проще. Большинство уже пришло в стабильное состояние, энергетические каналы были восстановлены, они снова обрели контроль над своей магией, жизненной силой и резервом, ощутили баланс, обрели почву под ногами. Теперь оставалось лишь ждать, когда их тела окрепнут.

Но Линта'эл все равно оставался в лазарете, пока его не выгоняли, или пока на Ноктюрнис не опускалась ночь. Взгляд его притягивала остававшаяся закрытой дверь. Калиад'эл, прийдя в лазарет, шел туда. Там же почти все время проводили Вальтар и Дэрин, как только поняли, что младшего брата файрина можно оставлять без постоянного надзора. Линта'эл теперь знал имя: Сэлэми'эл — фэйри, которого нес на руках Варго. И в том, что уже седьмой день самые искусные в магии фэйри Двора Ночи все еще не сдавались, пытаясь удержать в ослабевшем теле едва теплившуюся жизнь, чувствовалась одержимость. Калиад'эл сказал, что больше не умрет никто. Калиад с маниакальным упорством делал все, чтобы это так и было.

Дверь для всех остальных оставалась закрытой. Никто ничего не говорил и не спрашивал. Только по тому, что в глазах тех, кто так же, как Линта'эл, оглядывался каждый раз, когда

оттуда кто-то выходил, читалось облегчение, он понимал, что многие ждут исхода, любого, но очень надеются на лучшее. Он тоже надеялся, хоть и не знал того, за чью жизнь уже не первый день шла борьба.

В тот вечер, вернее уже под ночь, из лазарета его отправила прочь Ниэль'айт, старшая фэйри Двора Звезд. Многие из них могли о себе позаботиться и помочь своим в случае чего. И как только те, кто более-менее пришли в себя, нашли в себе силы обращать внимание на фэйри вокруг них, с удивлением отмечали юность Линта'эла. В какой-то момент Линт снова почувствовал себя неуютно. Им восхищались, но прислушиваться не хотели. Доверяли его навыкам, но относились как к ребенку.

Однако Ниэль'айт он послушался. Было и впрямь очень поздно. И в конце концов, не она, так Вальтар или Дэрин погонят его отдыхать.

Линта'эл вышел в холл, где по приказу Калиада установили кристалл санктуария — вытянутый, почти призматический монолит, высотой в три роста взрослого фэйри. Бело-голубой, с внутренним свечением, словно за его граненой поверхностью медленно колыхалась замерзшая звезда, кристалл излучал мягкое сияние.

Его установили на постаменте из черного обсидиана, украшенного тонкими серебряными нитями, которые складывались в круги и спирали.

Кристаллы санктуария использовали на границах — у сторожевых башен, в местах, где мертвые земли подбирались слишком близко. Их вплетали в магическую ткань мира, соединяли между собой и насыщали своей же силой. Они служили преградой, не давали разрушиться нитям кружева, пронизывающего все живое, останавливали распространение мертвых земель.

Здесь же его вплели в магическую ткань помещения, насыщая его магический узор энергией, что способствовало восстановлению сил тех, кто находился в лазарете.

Линт взял за правило, если сам он не подошел к грани, когда заканчивается свободный магический резерв сил и он не начал черпать силу из собственной жизненной, насыщать кристалл остатками этой энергии.

Он даже не удивился, когда увидел кого-то еще посреди ночи приложившего ладони к кристаллу. Сюда приходили постоянно. Наверное, было совсем мало тех, кто вообще остался в стороне. Дворы Тени, Мерцания и Мглы со Звездами связывали родственные узы. И теперь кто-то обрел близких, считавшихся умершими много лет назад. А кто-то, увы, хоронил их второй раз…

Равнодушных в Ноктюрнисе не было. Вряд ли можно было найти хоть кого-то, кого не тронула судьба Звезд.

Но увидеть именно этого фэйри Линта'эл не ожидал. Сиан'эл стоял, прикоснувшись к кристаллу обеими ладонями. Его плечи мелко дрожали, а лицо исказила странная гримаса. Услышав шаги, он повернул голову и увидел Линта, дернулся, но от кристалла не отошел.

Линта'эл замер, не зная, как реагировать на это. Он ведь совсем забыл о кузене Алин'юйт, даже не думал о нем все эти дни. Однако же…

Сиан'эл был сыном файрина Двора Льда, того самого, что был ответственен за произошедшее со Звездами. И Линта'эл даже представить себе не мог, что сейчас должно твориться в этой голове и этой душе. Как он вообще сейчас ощущает себя в Ноктюрнисе? Почему не покинул земли Двора Ночи? Ведь теперь каждый… каждый взгляд, направленный на него, был враждебным. И Алин… Уж она-то точно тут же прекратила с кузеном всякое общение.

Сиан'эл же отвернулся, а потом снова посмотрел на Линта'эла:

— Я… я не знал, не хотел… — проговорил он, голос его дрожал, почти срывался на крик, — я тогда… мне десяти лет не было…

Линта'эл молчал. Он не знал, что сказать. В нем боролись совершенно противоречивые чувства. Как и большинство фэйри в Ноктюрнисе он чувствовал, что почти ненавидит Двор

Льда, не представлял, как можно кого-то обречь на ТАКОЕ, считал это преступлением, сравнимым с тем, что приписывали Двору Сумерек.

И в то же время ему было жаль этого фэйри. Сиан'эл и в самом деле не был виновен в произошедшем, когда он был ребенком. Но… разве дети не радуются победам своих отцов?

А еще Линт просто устал. Ему не хотелось снимать чужую вину или обличать его, как виновника. Он просто хотел уйти. Но теперь не мог.

Сиан'эл затрясся в беззвучных рыданиях, опускаясь на колени, а потом вдавил ладони в кристалл, резко направляя в него поток своей силы.

И Линта'эл тут же наметанным взглядом увидел, что тот исчерпал резерв. А то, что струится по его ладоням и поглощается мерцающим мягким светом санктуарием, уже жизненная сила фэйри Льда.

Он преодолел разделяющее их расстояние в два скачка, схватил Сиан'эла за плечо и отдернул его, словно тот был тряпичной куклой, игрушкой.

— Идиот! — он ощущал ярость.

Как он только посмел? Он решил, что так что-то искупит? Изменит? Лишить себя жизни в пределах Двора Ночи! Зачем?

Линт бы кинулся на него с кулаками, но усталость брала свое, а ярость, вспыхнувшая внезапно, угасла, оставляя неприятную слабость в мышцах.

Сиан'эл медленно поднялся, не глядя на него, обхватил себя за плечи и побрел прочь. Он вздрагивал, ноги заплетались. Он не повернулся и не сказал больше ни слова. И Линта'эл был этому рад.

Впрочем в этот момент он понял, что в зале санктуария он все еще не один. От стены, с противоположной стороны от кристалла отделилась высокая худая фигура. Линта'эл не сразу узнал этого фэйри, наверное потому, что серебристо-белые волосы были сейчас коротко обрезаны, а взгляд теперь был ясным и острым.

— Рэйн Варго'эл… — проговорил Линт.

— Зачем ты остановил его? — в его словах почудилась насмешка. — Хоть какую-то пользу принесла бы эта никчемная жизнь…

— Сиан'эл — сын Олиал'эла. Если он умрет здесь…

— Начнется конфликт с Двором Льда. Ты считаешь, что так он не начнется?

Линта'эл вздрогнул, понимая, что и в самом деле, кажется, конфликт неизбежен… с Двором Льда, а значит и с Двором Зимы. Новая война.

— Иногда, — Варго'эл проговорил вздохнув, — единственная польза, которую может принести кто-то — это умереть.

Глава 3. Сэлэми

Все, кто собрался в зале Ноктюрниса, где обычно проходил совет Двора Ночи и его вассалов, были связаны с Двором Звезд. Каждый из присутствующих кого-то потерял. Сам Калиад'эл никак не мог оставаться равнодушным. Его мать, фэйри, бывшая первой любовью прежнего файрина Двора Ночи, принадлежала к Звездам.

Линта'эл наблюдал за происходящим сверху, присев на пол, чтобы остаться незамеченным, и прислонившись щекой к резной колонне, стараясь не пропустить ни слова.

Калиад по большей части молчал, мрачно взирая на собравшихся в зале. Рядом стоял Вальтар'эл, сменивший халат целителя на обычное черно-синее одеяние с символами Двора Ночи.

Говорил файрин Мерцания, Арир'эл. Линта'эл видел его только со спины, но прекрасно мог представить и выражение его лица, и то, как сверкают глаза.

— Это не просто трагедия! Не просто истребление Двора! Это — мучительная агония, растянувшаяся на двенадцать лет! Мы думали, они мертвы. Мы похоронили их, оплакали. И *дар последнего плетения* не был отдан! Стоит ли говорить почему? И что же? Оказалось, что все эти годы остатки Двора Звезд пытались выжить! Без какой-либо помощи в мертвых землях! Это страшнее обычной смерти. И кто за это ответит? Мы будем молчать?

— Двор Льда должен быть наказан, — поддержал его кто-то из фэйри Мглы, — им удалось выйти с минимальными потерями. Слишком легко отделались за уничтожение целого Двора.

Дион'эл сделал знак, заставив замолчать фэйри своего Двора.

— Я не буду отрицать вину Двора Льда, — проговорил он, — но если можно обойтись без конфликта и бойни, стоит попытаться. Собрать суд Дворов. Вызвать Двор Льда и Двор Зимы. Файрин Великого Двора должен понимать, что разговор тут важен.

— Разговор? — язвительно усмехнулся Арир'эл. — Мы уже разговаривали. Тогда, двенадцать лет назад. И простили. Во имя мира. Ради того, чтобы не было бойни! Чем обернулась доброта Двора Ночи и его вассалов? Разве мы не имеем права на месть?

— Двор Льда знал, — прозвучал тот же голос из Мглы, — долина Трех Лун расположена так, что отследить происходящее там легко со стороны земель Льда. Они не могли и раньше не видеть, что в долине что-то происходит. Это делает их преступниками дважды.

С каждым произнесенным словом напряжение в зале нарастало, словно прилив. Молчал лишь молодой файрин Тени, Шеолан'эл. Он стоял в стороне. И Варго'эл, несмотря на то, что речь шла о его Дворе, о его фэйри, лишь смотрел и слушал.

Вальтар'эл поднял руку, заставляя умолкнуть всех, как бы сообщая, что говорить будет файрин. Воцарилась тишина.

— Вы говорите о справедливости! — голос Калиада звучал ровно, но Линта'эл хорошо знал эти интонации. — О возмездии! Но готовы ли вы снова увидеть, как умирают ваши близкие? На этот раз фэйри ваших собственных Дворов? Готовы умирать сами? Снова?

Досада. Вот что это было. Калиад сумел после стольких лет, даже столетий, наполненных кровью и смертью, создать хрупкий, но все же просуществовавший больше десяти лет, мир. И теперь его старания могут оказаться напрасными. Потому что и сам он считает, что Двор Льда должен быть наказан.

Даже Линта'эл так считал, хоть и не хотел самому себе в этом признаваться.

Файрин Двора Мерцания, Арир'эл, отвел глаза и промолчал.

— Вопрос не в том, будет ли конфликт, — спокойно проговорил вместо Калиада Вальтар'эл, — а в том, когда. И каким образом. С какой стороны ни подойти, мы упираемся в стену. Двор Зимы не отдаст на заклание одного из оставшихся двоих своих вассалов. Откупиться,

как двенадцать лет назад, землями, ресурсами и несколькими жизнями они не смогут. Но как вы представляете себе это возмездие? Готовы ли к истреблению трех Дворов своими руками? Или к тому, что ваш собственный Двор может быть истреблен?

Кажется, эти слова заставили присутствующих задуматься еще глубже.

Тишину нарушил Дион'эл:

— Мы обсуждаем вину Двора Льда и справедливость мести. Но не услышали ни слова от того, кто пострадал от их действий или бездействия больше всех, — он обернулся туда, где на шаг позади остальных стоял фэйри Двора Звезд. — Рэйн Варго'эл. Что скажет файрин Двора Звезд?

Несколько голосов поддержали его. А Варго пришлось сделать шаг вперед. Он все еще слишком отличался от остальных. Худоба оставалась болезненной, от чего и движения его казались нетвердыми, то слишком резкими, дерганными, то неловкими и слабыми.

— Вы хотите услышать, что скажет файрин Двора Звезд? — медленно произнес он. — Хорошо. Я скажу. Мой голос ничего не изменит. К чему бы я вас ни склонил — к миру, к немедленному походу на резиденцию Двора Льда или к суду Дворов, — исход будет один. Двор Льда уже обречен. И Двор Зимы, его сюзерен, падет вместе с ним.

Он перевел взгляд на Калиада.

— От нас сейчас зависит только одно: прольется ли кровь наших Дворов...

Он замолчал, словно показывая, что сказать больше нечего. В зале послышался ропот.

— Что ты хочешь этим сказать, Варго? Что мы должны просто оставить все как есть и ждать, когда Двор Льда падет сам по себе? Объясни! Ты говоришь загадками! — резко потребовал ответа Арир'эл.

Варго качнул головой.

— Я не пытаюсь быть непонятным, — устало сказал он, — готовы ли вы сами понять, о чем я говорю? Вот в чем вопрос. Исток избрал для нас путь. И все мы пройдем его. Важно лишь понять, какой дорогой.

Он поднял взгляд и на мгновение Линта'элу показалось, что каким-то непостижимым образом Варго'эл знает, что он здесь.

— Но кто из нас вправе толковать волю Истока? Мы — лишь Его инструменты. Узор, который он плетет, никто из нас никогда не увидит целиком. Но даже избрав для нас путь, он оставляет нам выбор.

После слов Варго'эла в зале воцарилась тревожная, плотная тишина. Она была почти физически ощутима, словно воздух стал гуще, а каждый звук, каждый шорох звучали явственнее.

Однако тишина не могла длиться вечно.

Арир'эл вновь вышел вперед. В голосе зазвучала ледяная решимость. Он говорил о справедливости, о долге, о том, что если Двор Льда действительно обречен, то не должно быть колебаний. Раз конец неизбежен, пусть они сами станут его началом. Пусть Двор Ночи и его вассалы принесут смерть тем, кто ее заслужил. Пусть будет возмездие. Его поддержал кто-то из Мглы.

И спор вспыхнул с новой силой: голоса, возгласы, жаркие слова. Нить, натянутая до предела, снова дернулась — и в этот раз готова была оборваться.

Калиад'эл все еще сохранял спокойствие. Он не вступал в перебранку, не повышал голос, но взгляд его становился все строже, а фразы — все сдержаннее и холоднее.

Тем не менее, даже в этом гуле звучали осторожные и разумные голоса. Шеолан'эл высказался за суд и обдуманные действия, поддержав файрина Двора Мглы, Дион'эла. На их стороне были голоса присутствовавших фэйри Двора Ночи. И даже некоторые фэйри Мерцания были не согласны со своим файрином.

И никто не заметил, в какой именно момент Варго'эл покинул зал. Он исчез тихо, больше не произнеся ни слова, будто тень скользнул в один из боковых проходов.

Линта'эл видел: Калиад не хочет войны, но внутри его разрывают противоречия. Те же, что чувствовал спрятавшийся на галерее его младший брат. Однако оставаться здесь дольше было опасно. Если его обнаружат — поймут, что Шеол его пустил. А Шеол отвечал за то, чтобы в зал не проник никто посторонний. Насколько посторонним сочтет Калиад'эл Линта, оставалось только гадать. И последний был и не против, чтобы сие осталось всего лишь предметом размышлений. Подставлять Шеолан'эла он хотел еще меньше, чем попасться.

Линта'эл бесшумно поднялся, еще раз скользнув взглядом по собранию, и тихонько покинул галерею. Он спустился к массивным дверям зала, прячась в тени высокой арки. Здесь он не пропустит выхода Калиада и, может быть, наконец, поймет, что творится у брата на душе.

Фэйри расходились один за другим. Кто-то переговаривался вполголоса, кто-то молчал. Линта'эл ждал, затаившись у стены возле массивных дверей зала.

Калиад'эл всегда покидал эти собрания последним, оставляя возможность вассалам и фэйри своего Двора обратиться к нему с отдельным вопросом или просьбой.

Файрин вышел в сопровождении Вальтар'эла, но младшего брата заметил сразу. И взглядом он показал, что понял его без слов.

— Решение еще не принято, — коротко сказал Калиад.

Линта'эл качнул головой, давая понять, что хочет того самого разговора, ради которого файрин покидает зал совета последним.

Вальтар на миг задержался, потом, кивнув, ушел, оставив братьев наедине.

— Ты все равно думаешь о войне, да? — спросил он.

На этот раз промолчал Калиад'эл.

— Сиан'эл вчера приходил в лазарет, в зал санктуария. Он… — Линта'эл умолк, не понимая, стоит ли говорить о том, что сделал молодой фэйри Льда. — Что с ним будет?

— Он все еще в Ноктюрнисе? — кажется, Калиада это даже немного изумило, и, дождавшись подтверждения кивком, ответил: — останется пока здесь. Ему ничего не грозит. Никто его не тронет. Я об этом позабочусь.

— Хорошо. Кажется, он… сожалеет, — Линта'эл вздохнул, — если для тебя это что-то значит, я не хочу войны. Понимаю, Двор Льда заслужил суровой кары. Но… не надо. Это… как бесконечный круг… Мы отомстим им, Двор Зимы отомстит нам…

— Я тоже не хочу, — Калиад произнес это тихо, — но все намного сложнее, чем наши личные желания.

— Чушь! — Линта'эл вскинулся, устремив на брата яростный взгляд. — Все это чушь! Мы уничтожим Двор Льда, Двор Зимы потребует возмездия. Кто падет от их руки? А что с Дворами Дня и Осени? Они останутся в стороне? А мертвые земли и шайсары? Все, что я помню — мы лишь можем замедлить их наступление кристаллами санктуария. Но нам все равно приходится отступать. А дальше? Останется горстка фэйри и клочок живой земли, как долина Трех Лун, где выживали Звезды! И что будет тогда?

Он замолчал, опуская взгляд. Калиад смотрел на него, долго и печально, но не нашел, что ответить. Файрину было странно слышать правду от подростка. А Линта'эл, сказав, что думает, внезапно ощутил почти физическую боль. За них обоих.

***

Совет собирался еще дважды. Но решение так и не было принято. Линта'эл не пытался снова проникнуть на галерею — в этом уже не было нужды. И так было ясно, о чем говорят за закрытыми дверями. Слова, произнесенные тогда, в первый день, пустили корни. Разговоры

о возмездии, о необходимости наказания Двора Льда теперь звучали громче, увереннее и за стенами зала совета.

Варго'эл больше не появлялся на совете. Несмотря на свой статус файрина Двора Звезд, он отстранился, его молчание стало словно немым укором для остальных. Он появлялся в лазарете или оставался в отданных ему в Ноктюрнисе покоях, избегая встреч и разговоров. Его позиция и поведение оставались непонятными большинству. Его самого и его слова на первом собрании обсуждали. Но этого было слишком мало, чтобы пустить какие-то слухи, развить из этого нечто.

А тем временем все больше фэйри из Двора Звезд возвращались к жизни. И многие из них позволяли себе рассказать больше о тех ужасах, что им пришлось пережить в долине, окруженной горами.

Все, что рассказала Линта'элу Селиан'айт, обрастало новыми подробностями. Разрушенные кристаллы санктуария и фэйри, погибшие на сторожевых башнях в попытке сдержать полчища шайсаров — все это не могло быть простым совпадением. Продуманный, хладнокровно воплощенный план — вот чем это все было.

Линта'эл слушал обрывки разговоров в коридорах, видел выражения лиц, ощущал нарастающий гнев окружающих его фэйри.

И все яснее он понимал: его голос ничего не значит. Он был просто мальчишкой. Пусть даже признанным целителем. Но не тем, кто может изменить решение Двора. Он сумел донести свою позицию до Калиад'эла. И брат его понял. Но решение будет принимать файрин.

Работа в лазарете постепенно сходила на нет. Те, кто еще недавно находился между жизнью и смертью, теперь поднимались на ноги, сами просили у целителей простейшие поручения, старались вернуть себе контроль над телом, над магией, над собой. Осталась лишь одна закрытая дверь. За ней все еще лежал последний из пострадавших — Сэлэми'эл.

Линт лишь раз позволил себе задать вопрос. Дэрин'эл тогда ответил пространно, но он навсегда запомнил этот ответ и все так же верил в его истинность:

— Надежда есть всегда, пока жив тот, кому она так нужна.

Линт приходил каждое утро. Это просто вошло в привычку. Если его помощь была не нужна, шел искать Дэрин'эла. И тот нагружал его заданиями — то по теории магических узоров, то по свойствам плетений, то заставляя изучать анатомию и известные, описанные болезни, не связанные с повреждением магической ткани, все больше и больше погружая в искусство исцеления Двора Ночи.

Учиться Линта'элу нравилось. Тем более после того, как было признано его право открыто изучать сложные структуры и плетения. С этим приходили сразу два противоречивых чувства: он ощущал, как быстро растет, и как много еще не знает. Понял, какие ошибки совершал, когда самостоятельно пытался тайком повторить какие-то плетения по найденным схемам. Где-то нашел верный путь, где-то же наоборот, запутался окончательно.

Ему хотелось большего: понять принципы магии других Великих Дворов. Ему казалось, что там где-то скрыто нечто, способное даже остановить разрушение их мира. Или что-то еще, связанное с судьбой фэйри… И признаваться в этом своем чувстве открыто он не хотел. Спишут на юношеский максимализм, посмеются…

К тому же, ему самому хотелось верить, что это то самое чувство Истока, когда он направляет тебя самого, делая инструментом, и оно сдвинет все на нужный ему путь.

Линта'эл погрузился с головой в настоящую учебу, забросив все свои прежние занятия, практически забыв о праздном шатании по Ноктюрнису и делах, что занимали его прежде. Официальное разрешение Калиада не брать в руки оружия, заниматься магией и наукой, позволило ему больше не прятаться в пыльных закоулках библиотеки, напрямую задавать вопросы и просить совета.

А это освободило и некоторых других от того, чтобы хоть иногда присматривать за юным братом файрина.

Вот только Линт сам обнаружил, что кое о чем позабыл совершенно зря.

И лишь когда увидел однажды Шеолан'эла в компании Алин'юйт, неспешно прогуливающегося с ней по дорожкам сада, неприятное предчувствие кольнуло его изнутри. И снова пришла мысль: имеет ли он право вмешиваться и стоит ли? Разница в возрасте с Шеолом в тот момент казалась ему огромной. Стоит ли говорить ему о том, давнем разговоре сестры с кузеном из Двора Льда?

Он подождал, пока Шеол не проводил Алин к переходу в ее покои и не остался один с мечтательным блеском в глазах и легкой улыбкой на устах, так не свойственными фэйри Тени.

Тогда Линт вышел и неуверенно приблизился. Шеол обернулся. Благостное выражение не покинуло его лица.

— Ты был с Алин, — начал Линта'эл. — Я… хотел кое о чем предупредить…

Шеол посерьезнел, покачал головой и не дал ему договорить.

— То, что произошло со Звездами, многих изменило, — сказал он спокойно. — И Алин тоже. Твоя сестра уже не та, что раньше. Мы говорили с ней о многом. Просто поверь.

Линта'эл замер. Он хотел возразить, напомнить, какой она была, рассказать о том, как отзывалась о Шеоле, о ее словах о коллекции.

Но не смог. Все вдруг показалось не таким однозначным. Перед глазами возник Сиан'эл, заносчивый и гордый, а потом он же в зале санктуария у лазарета.

Алин… могла же она тоже измениться? Что-то понять?

— Я… — он запнулся, — просто прошу тебя, доверяй своей способности анализировать. Твоя магия…

— Линта'эл, — Шеол заговорил серьезно и веско, — я никогда не оскорблю рэйн Алин'юйт подобным недоверием!

Линт ничего не ответил и ушел тогда с ощущением странной неловкости. Он понятия не имел, что именно за чувство растет в нем, когда он смотрит на Шеола рядом с Алин. В пятнадцать лет он и понятия не имел, что такое влюбленность. Как можно идеализировать другого, не замечая в нем изъянов и недостатков.

***

Линта'эл все чаще не мог уснуть. Лежал в темноте, глядя в потолок, слушая, как за окнами шелестит ветер, поют ночные птицы. К Ноктюрнису подбиралась осень.

Мысли возвращались к сказанному на подслушанном им собрании, к словам Варго, к тому, как мало осталось Дворов...

И когда становилось совсем невыносимо, он вставал и не зажигая света, чтобы никого не разбудить, пробирался по коридорам дворца, спускался вниз.

Старый, огромный то ли сад, то ли почти что лес, окружавший резиденцию Двора Ночи, успокаивал.

Так было и в ту ночь. Он вышел на узкую тропу, усыпанную уже опадающими листьями, и пошел вперед. Сериниад медленно поднимался над Ноктюрнисом, делая ночь светлее, но в то же время обнажая глубокий шрам, что черной трещиной прорезал его белое тело. Почти сто пятьдесят лет назад файрин Двора Лета в попытке доказать всем свое величие и тем самым остановить всех конфликтующих с его Двором, то ли ошибся, направив Проклятье Пропасти в небо, то ли ему попытались помешать, изменив направление магии. Пропасть ударила по Сериниаду, чего не ожидал никто. Несколько лет подряд верный спутник Эльлисара ронял на его поверхность горящие каменные глыбы, уничтожая жизнь и магическую ткань на огромных

территориях. Сейчас же он демонстрировал свое увечье каждую ночь, как упрек тем, кто был ответственен за его боль.

Линта'эл бродил дольше обычного. Ноги сами вели его по знакомым тропинкам сада, но в голове все еще носились разные мысли. Чтобы хоть немного отвлечься, он время от времени выплетал в воздухе простые узоры, повторял из памяти схемы, но не вливал в них силу. Тонкие золотые нити струились между пальцев, создавая светящиеся спирали, а затем распадались без следа.

Он не заметил, как оказался в глубине сада, у окруженного со всех сторон деревьями луга, где обычно выращивали некоторые лекарственные травы.

Линта'эл сделал шаг — и замер.

На поляне стоял кто-то.

Фэйри-подросток, худой до прозрачности, почти одного роста с Линта'элом, босой, в простой белой рубашке и тонких штанах — одежде из лазарета. Он вытянул руку ладонью вверх, а над ней медленно кружились яркие белые огоньки, как крошечные звезды, поднимаясь в небо по спирали. Их свет падал на его лицо, делая его еще более нереальным, словно светящимся изнутри.

Белые волосы, бледная кожа, тонкие брови и ресницы, как будто покрытые инеем. Это был фэйри Двора Звезд.

Магия огоньков была самой простой. Линта'эл знал это плетение с самого детства. Но сейчас… сейчас в этих мерцающих искрах было что-то завораживающее. И он даже не знал почему.

Фэйри обернулся, увидел его, но не вздрогнул. Просто сказал:

— У меня впервые получилось. Настоящая магия.

И улыбнулся светло, по-детски. Это действительно было для него чудом. Даже не сама магия, а то, что сотворил ее он сам.

В этот момент оцепенение Линта'эла спало. Он моргнул, словно проснулся, и посмотрел уже иначе, как целитель.

— Остановись! — наверное, это прозвучало слишком резко. — У тебя резерва-то нет! Ты же черпаешь из своих же сил…

Фэйри Звезд тихонько вздохнул и опустил руку. Плетение тут же распалось, а огоньки погасли. Линта'эл же испытал какие-то смешанные чувства. Ему стало стыдно за свой тон. Слишком уж несчастным выглядело лицо этого фэйри. С другой стороны он вроде бы поступил правильно… Как целитель и как взрослый… Но все-таки.

— Всего капля… — проговорил фэйри Звезд, слабо улыбнувшись. — Здесь ничего бы не случилось.

Линта'эл переступил с ноги на ногу. Захотелось даже прощения попросить. Но это, наверное, было бы совсем глупо. Сначала налететь, а потом извиняться.

— Тебя зовут Сэлэми'эл, — проговорил он, — я…

Фэйри снова повернулся.

— Линта'эл из Двора Ночи, — сказал он так уверенно, будто они уже встречались, — о тебе говорили при мне. Много. Я запомнил.

Снова воцарилось молчание, которое Линта'элу показалось неловким. А вот Сэлэми, кажется, вообще об этом не переживал. Он просто стоял и рассматривал своего собеседника с чисто детским любопытством.

— Тебе нужно вернуться, — сказал Линта'эл, на этот раз стараясь говорить спокойно и даже осторожно, — в лазарет, под действие санктуария.

Сэлэми'эл снова улыбнулся, не отводя взгляда. Только теперь улыбка была другой.

— Да, я знаю. Я просто вышел ненадолго. Знаешь, каково это, сидеть в четырех стенах, и видеть за окном такое… — он взмахнул рукой, как бы показывая на все вокруг.

Линт отвел взгляд. Он мог представить, наверное. Но вряд ли понимал до конца, как это на самом деле ощущается. На его относительную личную свободу никто никогда не покушался. Даже в детстве или во время болезни он не сидел безвылазно в своей комнате.

И все же в таком состоянии никто даже из Двора Звезд не уходил из лазарета. Ни один целитель не позволил бы.

Снова чувство долга в нем вступило в противоречие с сочувствием. Он даже немного разозлился за это на самого себя.

— Мне нужно еще немного времени, — попросил Сэлэми, — совсем чуть-чуть.

Он показал крошечную склянку, пузырек, плотно закрытый пробкой из мягкого дерева. Стекло было матовым, слегка затуманенным, а внутри — мутная жидкость, грязная вода. Но даже при свете Сереniада было видно, что в ней что-то живое, какая-то неизвестная Линту структура, форма, слегка подрагивающая, как какое-то спящее существо.

Сэлэми посмотрел на него.

— Мне нужно кое-кому помочь, — сказал он, все тем же тихим, ровным голосом. — Здесь есть ручей? Или озеро?

Линт помедлил, вспоминая. Забавно, что в тот момент он не ощутил никакого сопротивления этой идее. В склянке сидело нечто, принесенное практически из мертвых земель. И Сэлэми хотел выпустить это здесь в Ноктюрнисе. Позже он много раз думал об этом, понимая, что будучи уже взрослым ни за что не позволил бы двум подросткам сделать нечто подобное… Но сейчас…

— Есть ручей. И фонтан. За живой изгородью. Я покажу.

Сэлэми коротко кивнул, и они пошли. Листва шуршала под ногами, ночной воздух был прохладным, но не холодным. Шли молча. И Линта'эл потом сам себе поражался, как так вышло. Он и в пятнадцать лет был достаточно разумным, чтобы задуматься, спросить, засомневаться. Но не сделал этого.

Ручей журчал в выложенном разноцветными камешками русле, поблескивая в белом свете Сереniада. Сэлэми опустился на колени. Склянка в его руке чуть дрогнула. Он вытащил пробку, и вылил содержимое в воду.

Мутная жидкость растеклась по поверхности, и сразу же исчезла, растворилась, будто ничего и не было. Лишь спустя несколько секунд они увидели, как на поверхности воды с плеском возник небольшой бугорок, тут же устремившийся прочь.

Линта'эл замер, удивленный, уже понимая, что это такое, но не веря своим глазам.

— Что это было? — спросил он, скорее в поиске подтверждения своим догадкам.

— Кельпи.

— Кельпи?.. Но… они же исчезли. Десятки лет назад.

Духи воды, живущие ею, дышащие ею, создающие себе форму из нее, считались сгинувшими еще в те времена, когда по телу Благословенного Эльлисара поползли черные пятна скверны мертвых земель, высасывая жизнь из рек и озер. Ни одного не видели уже много десятков лет, а Линта'эл и вовсе лишь читал о кельпи в старых книгах.

Сэлэми'эл кивнул с едва заметной улыбкой:

— Он был последним, — тихо сказал он, — прятался в долине Трех Лун, когда мы там оказались. На самом деле он… не очень любит фэйри. Но я пообещал, что если мы выберемся, я верну его в живую воду.

Они оба стояли молча, вглядываясь в звенящий меж камней ручей. Но бугорок больше не появился.

Линта'эл подумал в тот момент, что, похоже, кельпи не слишком благодарен своему спасителю. Но вслух говорить об этом не стал. Где-то в душе он впервые за последние дни ощутил не тревогу и тоску, которые усиленно забивал другими мыслями, а хрупкую надежду. Не все еще потеряно, если нашелся даже кельпи, выживший среди мертвых земель и шайсаров, если

фэйри Блистательного Двора пережили такое и вернулись, и все еще способны восхищаться и доверять этому миру…

Глава 4. Кельпи

У фэйри есть пословица: тому, кто озабочен судьбами мира, дай то, чего он был лишен всю жизнь, и он забудет и о мире, и о судьбах.

Линта'эл не то чтобы забыл, просто тревога отступила на второй план. Тем более дни шли, а никакой речи о подготовке к военным действиям так и не было. Кажется, Калиад затягивал принятие решения сам, или же сомневались файрины Блистательных вассалов Двора Ночи, а он всего лишь оставался наблюдателем в их споре. Голос Двора Звезд прозвучал лишь один раз, тогда, на самом первом собрании. Как и их файрин, остальные фэйри Двора Звезд отказывались говорить что-либо на совете.

Линта'эл чувствовал, что брат что-то задумал, но не мог понять, что именно. Не рассчитывает же он в самом деле, что все просто забудется?

Но эти мысли, как у любого подростка, занятого чем-то по-настоящему ему интересным, были мимолетными, и подолгу он их не обдумывал.

Линта'эл, закончив с заданиями, которыми его нагрузил Дэрин'эл, спешил в лазарет, хотя работы там уже не осталось. По-прежнему в смежном зале стоял кристалл санктуария, который Калиад приказал не трогать.

Его ждал Сэлэми.

Линт приносил книги, игры-головоломки, в которые до этого лишь изредка получалось играть с Калиадом, Шеолом или Селиан. Нашел и доску для эл'хай с резными фигурами, хоть сам толком не умел играть и едва мог объяснить правила. Зато, как оказалось, Сэлэми, с удивлением и восхищением рассматривавший доску и фигурки, играть умел очень неплохо.

— Рэйн Варго'эл учил меня играть, — пояснил он, — правда, я раньше ни разу не выигрывал.

И обыграл Линта'эла третий раз подряд, но смутился своей победы. Линт же почувствовал азарт, но без злого духа соперничества, обычно присущего подросткам. Они сыграли еще несколько раз, пока, наконец, не закончили вничью. Этот результат Линта'эл признал для себя удовлетворительным, после чего стал играть только в свое удовольствие.

Про кельпи, отпущенного в ручей сада Ноктюрниса, они почти забыли.

Осень постепенно захватывала земли Двора Ночи, окрашивая листья в золото, иссушая цветы и травы. Днем было еще тепло. Ночью приходил холод. Не студеный, пробирающий до костей. Но вполне ощутимый. Еще яркое летнее сиреневое небо стали чаще затягивать серые тучи.

И однажды утром Ноктюрнис разбудил большой переполох.

Шум, крики, плеск воды, гулкий топот, словно по коридорам резиденции скачет лошадь.

Линта'эл выскочил в переход, нависающий над той частью сада, где происходил бедлам. Несколько фэйри Малых Дворов, каких, он не сумел определить, фэйри Мерцания и Тени, мокрые с головы до ног, пытались кого-то то ли поймать, то ли убежать от нарушителя спокойствия.

Нечто возникало водяным вихрем, пропадало, выбивая окна первого этажа, носилось по залам и анфиладам, вырывалось снова в сад.

— Что происходит? — крикнул Линт оказавшемуся как раз под переходом фэйри.

Тот поднял голову, увидел того, кто его окликнул, и успел ответить:

— Кельпи! В садовом ручье завелся кельпи!

И его сбило с ног нечто почти невидимое, лишь на мгновение обретшее форму жеребца, вставшего на дыбы.

Линта'эл бросился вниз. На самом деле он понятия не имел, что делать. Ощущал какую-то долю раскаяния, что никому не рассказал, кого они с Сэлэми выпустили в ручей. Но не то чтобы собирался признавать свою вину.

— Кельпи перевернет здесь все с ног на голову!

— Как его теперь изгнать?

— Вроде бы они боятся огня...

Отовсюду слышались возмущенные и даже испуганные возгласы.

И среди них единственный голос, слишком слабый, чтобы его услышали, и слишком незначительный, потому что принадлежал подростку, пытался защитить того, кого фэйри пытались изгнать.

— Он не желает никому зла. Не надо огня! Пожалуйста. Норамсар, стой!

Водяной вихрь превратился в поток, а потом стал серо-голубым жеребцом, мчащимся прямо на фэйри Звезд, но перед тем, как сбить его с ног, вновь превратился в сноп брызг, обогнул его и устремился дальше.

Линта'эл только тогда добрался до него, схватил за руку и утянул в укрытие, под арку.

— Вот это и есть твой кельпи? Чего он разбушевался?

— Вода и сила, — попробовал объяснить Сэлэми, — это как...

Он запнулся, видимо пытаясь подобрать объяснение.

—Ох! — выдохнул Линт. — Я понял.

Он читал о кельпи, о том, что они могут быть своенравны и часто не желают договариваться, что у них свое понимание добра и зла. И что они ненавидят обязательства и ограничения.

Кельпи, живший, вернее выживавший там, где едва смогли выжить фэйри, скорее всего просто одурел от внезапного прилива сил. И на самом деле кто еще мог бы понять это, как ни Сэлэми, который едва придя в себя, вышел из лазарета, просто чтобы что-то попробовать сплести.

Между тем, там уже обсуждали, подойдет ли обычный огонь, например, факелы, или нужна магия, вроде солнечного огня Двора Дня.

— Они его убьют! — во взгляде фэйри Звезд был неподдельный страх.

Линта'эл же пытался сообразить, что с этим со всем делать и как.

Пока он думал, Сэлэми вновь попытался выскочить из укрытия, чтобы как-то докричаться до существа, неистовавшего в Ноктюрнисе.

На этот раз обратно втолкнул его Варго'эл, видимо также вышедший в сад на общий шум и суматоху.

— Вот как, — тут же заговорил он тихо, но очень четко, — значит, ты все-таки забрал его с собой? Нашел способ? Я говорил тебе, что...

— Я же остался жив! — словно продолжая старый спор ответил Сэлэми и дернулся, вырываясь из хватки Варго.

Он бросился вперед, туда, где угрожающе пылали факелы.

Вряд ли фэйри собрались и в самом деле уничтожить кельпи. Не только Линт и Сэлэми понимали, что последний выживший водный дух достоин жизни. Скорее, пытались отогнать от самой резиденции. Может быть, даже выгнать из сада.

Но в следующий момент замерли все. И те, кто пытался пугать кельпи огнем, и двое подростков, пытавшихся как-то ему помочь.

Калиад'эл появился на главной аллее сада, сейчас мокрой, заваленной сорванными листьями и сломанными ветками росших по ее краям деревьев. Взгляд его выражал скорее недоумение и даже немного любопытство, которое, возможно, файрину проявлять не пристало. Его увидел Дион'эл, подбежал и они обменялись несколькими словами.

Линт и Сэлэми, оказавшиеся в нескольких шагах от них сумели расслышать:

— Факелы погасите. Огня кельпи не боятся, если это не магия Двора Дня. Вы только разозлите его и раззадорите.

Дион'эл помчался исполнять распоряжение.

Откуда-то сбоку донесся шум падающей воды и ломающихся кустов. Вода, подчиняющаяся воле своего духа, текла, игнорируя законы природы.

А Калиад'эл просто стал на пути потока, выкрикнул несколько слов, которые Линта'эл то ли не расслышал, то ли были они и впрямь непонятны. И мгновенно вода, двигавшаяся на него замерла на миг, обрела форму жеребца, чье тело словно состояло из перетекающих ручьев. Но кельпи и эту форму хранил недолго. Еще мгновение и посреди сада стоял юноша, очень похожий на фэйри: вьющиеся волосы до плеч, цвета темного серебра с голубым отливом, острые уши, кончики которых выглядывали из-под прядей — если бы не его глаза. Абсолютно черные, без белков. Пожалуй, удивительно было и то, что предстал он одетым. Небрежно запахнутое одеяние того же цвета, что и волосы и босые ступни, оставляющие на мраморе садовых дорожек темные мокрые следы.

Он что-то сказал. Коротко и зло. Калиад ответил спокойно, не повышая тона. Кельпи помолчал. Потом тоже заговорил спокойнее.

Разговор этот продолжался почти полчаса.

Те, кто слышал их речь, с удивлением обнаруживали, что не могут понять ни единого слова.

В какой-то момент воцарилась тишина. А потом кельпи отскочил назад, принимая форму тонконогого жеребца, помчался к одному из фонтанов, нырнул в него, поднимая сноп брызг, и как будто пропал.

Калиад повернулся и посмотрел на собравшихся зрителей. У некоторых в руках все еще были факелы, к счастью, потушенные. Файрин обвел их взглядом, в котором, если постараться, можно было прочитать скрытое раздражение и неудовольствие, и произнес довольно тихо, однако в наступившей тишине было слышно каждое слово:

— Теперь в Ноктюрнисе снова есть кельпи. И, как в прежние времена, мы будем уважать его присутствие здесь.

Позже Линта’эл узнал, что когда-то на землях Двора Ночи жили кельпи. Еще в детстве и юности Калиад’эл был знаком с троими из них. Причем не просто знаком, а выучился у них странному говору, который удивительным образом спас теперь и Ноктюрнис от разорения, и кельпи от изгнания. И этот внезапно обнаружившийся факт заставил Линта иначе посмотреть на своего старшего брата.

***

Калиад’эл покинул Ноктюрнис внезапно спустя несколько дней после суматохи с кельпи.

Это событие прошло мимо Линта’эла, слишком занятого делами, имевшими значение лишь для него и для еще одного фэйри. А в тот день, о котором пойдет речь, он искал краски и кисти, или цветные мелки, или... Да что угодно, лишь бы можно было рисовать. Все началось с того, что днем раньше оба юных фэйри наблюдали за тем, как резвится в отдаленной части сада водный дух. И Сэлэми посетовал, что здесь нигде нет ни кусочка уголька или мягкого известняка, пожалуй, единственное о чем он скучает, что осталось в долине Трех Лун.

— Зачем это тебе? — Линта'эл немного удивился, уже раздумывая о том, что уголек можно найти в печах на кухне, а вместо известняка, наверное, подойдет мел.

— Чтобы рисовать, — просто ответил ему Сэлэми.

Как любой фэйри, он легко адаптировался и тянулся ко всему новому. Быстро понял правила и уклад жизни в Ноктюрнисе, также желал учиться и легко впитывал теорию. С практикой было сложнее. Фэйри Блистательных Дворов и так с большим трудом управлялись с

плетениями своих сюзеренов. А у Сэлэми была еще и проблема с тем, что называлось резервом: силами, помимо жизненных, что любой фэйри мог накапливать и вливать в свои чары. Он попросту его не чувствовал.

Но иногда он спрашивал или говорил нечто, что вводило Линта'эла в ступор. Просто потому что не знал, что может быть иначе.

Так вышло и на этот раз. С угольками.

Линта'эл тогда дал ему просто свой карандаш и блокнот, куда иногда перерисовывал схемы плетения из библиотеки, из тех книг, что почти рассыпались в руках от времени. И буквально через несколько минут понял, что блокнот он уже назад не попросит. И что этого безумно мало, учитывая какими на самом деле богатствами и возможностями обладает Двор Ночи.

Линта'эл выгреб все, что смог найти. Что-то у себя, что-то в разных хранилищах, поспрашивал о фэйри Малых Дворов, которые занимались поддержанием главных залов и помещений Ноктюрниса. В итоге набралась прямо куча всего.

Краски, цветной мел, мягкий разноцветный воск, кисти, тончайшие для миниатюр и широкие, для работы по стенам. Бумага тоже самая разная, текстурная и плотная, тонкая, выбеленная.

Сам Линт никогда не увлекался рисованием, разве что в раннем детстве, а потому понятия не имел, что для чего используется, и просто принес все Сэлэми.

Тот не схватился за это с радостью, как сделал бы сам Линта'эл. Последний прекрасно помнил, как не знал, за что взяться в первую очередь, когда ему позволили самому брать книги в библиотеке. Набрал тогда целую стопку, за которой его самого видно не было, и беспорядочно открывал то одно, то другое.

Сэлэми, кажется, боялся даже коснуться всего этого лишний раз. Будто любое неосторожное движение испортит их, и он больше никогда не получит ничего подобного.

— Ну, чего ты? — неловко удивился Линт, взял в руки кусочек синего мелка и провел на листе неровную линию. — Я еще принесу, если надо будет.

Сэлэми слабо улыбнулся.

— Ниэль'айт рассказывала… про такое…

Линт вздохнул и вложил мелок в руку приятеля. Тот провел вторую линию. Рука чуть дрогнула. А в глазах, обрамленных белыми ресницами, вспыхнула искра. И она была куда ярче той, что горела в них тогда, ночью, на лугу, когда у Сэлэми получилось сотворить магию.

Линта'эл замолчал, наблюдая, как линия за линией на бумаге возникает что-то, форма, тень, как будто чья-то фигура, на которую падает свет со спины, так, что не разглядеть ни лица, ни деталей одежды, а свет заливает все вокруг… Одним синим мелком…

Очень скоро стало понятно — того, что принес Линта'эл, мало. Особенно не хватало бумаги. И тогда Линта как осенило. Он даже поругал себя мысленно за то, что не вспомнил раньше.

— Пойдем. Есть одно место. Ты должен его увидеть.

Ему даже немного стыдно стало.

Дверь поддалась не сразу. В этой части Ноктюрниса давно никого не было. Обсерватория стояла заброшенная уже много лет. Павильон никто не открывал. Занятые войной и попытками удержать свои территории от наступления мертвых земель, фэйри Двора Ночи и его вассалы совсем забыли про астрономию, которая раньше считалась интересной, хоть и не очень нужной наукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.